

Игорь Сухих
Чехов в жизни: сюжеты для небольшого
романа

Серия «Диалог»

«Чехов в жизни» — книга в жанре документального монтажа. Однако вместо хронологического, линейного изложения читателю предлагается около полусотни разноплановых глав: семейных и географических, идеологических и любовных. Сквозным сюжетом повествования становится не разгадка мнимых чеховских загадок, а драма судьбы.

Игорь Николаевич Сухих — доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского университета. Автор монографии «Проблемы поэтики Чехова» (1987, 2007) и многих статей о писателе. Составитель критической антологии «А. П. Чехов: pro et contra» (2002) и Собрания сочинений Чехова в 5 томах (2010).

ЖАНР

Михаил Бахтин говорил о памяти жанра. У этого жанра короткая память: ему не исполнилось и ста лет. Книге «Пушкин в жизни» (1926 — 1927) В. В. Вересаев дал подзаголовок «Систематический свод подлинных свидетельств современников». Так появился биографический монтаж, жанр в котором говорят только документы, а позиция биографа проявляется лишь в отборе и композиции. Жанр был продолжен вересаевским же «Гоголем в жизни» (1934) и аналогичными опытами двадцатых-тридцатых годов о Лермонтове, молодом Толстом, Островском, Некрасове.

Вересаева упрекали в использовании недостоверных источников, анекдотизме, «решительном отсутствии какого-либо методологического подхода», но образ поэта, возникающий из столкновения противоречивых версий, оказался убедительным и привлекательным, не отменным ни последующими исследованиями, ни романскими версиями.

Биография Чехова не излагалась в подобном жанре (за исключением малозамеченного опыта Вал. Фейдер «Чехов: литературный быт и творчество по мемуарным материалам»), в то время как обычных повествований в духе «Жизни замечательных людей» за сто лет на русском языке опубликовано около дюжины. Между тем, именно чеховская жизнь буквально напрашивается на подобную форму.

Чехов признавался, что страдает «автобиографофобией». Однако корпус мемуарных и эпистолярных материалов о его жизни огромен (достаточно сопоставить с ним количество и качество источников о Лермонтове, Гончарове или, например, Андрее Платонове).

Публикацию в начале прошлого века чеховских писем современники называли вторым собранием сочинений (сегодня этот эпистолярный состав составляет четыре с половиной тысячи номеров, еще более полутора тысяч не сохранились).

Чехов умер настолько рано, что свои свидетельства о нем успели оставить не только близкие родственники (братья Александр и Михаил, позднее — сестра Мария Павловна), многие сверстники (Короленко, Потапенко, Гиляровский), литературные потомки (Бунин, Горький, Куприн, Щепкина-Куперник), но и люди предшествующих поколений (Толстой, Суворин, Репин, Ковалевский).

В то же время он ушел настолько поздно, что русское общество уже понимало, кого потеряло, поэтому все, от «белокурых студентов» до газетных корреспондентов,

спешили рассказать городу и миру об одной или двух случайных встречах.

Монтаж документов, столкновение разных взглядов, постоянно корректируемое собственным словом Чехова, создает эффект достоверности, труднодостижимый какой-то нарративной биографией, строящейся на раскавычивании и интерпретации тех же документов. Там, где остались пробелы среди бумаг, не стоит насиловать своими гипотезами чужую жизнь: лучше ограничиться осторожными предположениями или просто поставить точку.

Один чеховский биограф утверждает: написание настоящей чеховской биографии может занять время большее, чем жизнь самого писателя. Признание поразительное: времени не хватает, чтобы описать, а он это прожил и сделал. За сорок четыре года, по нынешним временам — время ранней зрелости.

Такое подробное жизнеописание, впрочем, существует и называется летописью. В хронику трудов и дней обычно заглядывают лишь специалисты, уточняя даты и вспоминая имена.

Биография — не летопись, которая, как в воображаемом Музее Николая Федорова, стремится учесть абсолютно все оставленные человеком жизненные следы. Отбор и выбор — уже концепция, точка зрения. Два рядом поставленные фрагмента — интерпретация. Десятки и сотни противоречивых свидетельств — трудно контролируемая мозаика, размывающая исходные установки.

Идея и образ в этой книге, надеюсь, есть. Их не нужно дополнительно пояснять «жалкими» словами (хотя до конца от авторских объяснений избавиться тоже не удалось).

Литературоведы иногда возмущаются, что другие литературоведы делают Чехова бесплотным святым. Самые горячие головы — уже из сочинителей — даже сравнивали его со Спасителем, отдавая предпочтение писателю за его недидактизм, неавторитарную этику.

Словно в ответ явились версии «другого», «настоящего» Чехова — то эротомана, то женофоба, то замученного семьей чахоточного больного. Проблема здесь не в фактах (их круг, в общем, установился, и вряд ли может быть резко расширен), а в их интерпретации: исходной установке, оркестровке, интонации разговора. Избирая рекламно-сенсационный или агрессивнo-уличающий тон, авторы подобных повествований или исследований, люди интеллигентные, увенчанные званиями и даже порой сочиняющие стихи, оказываются

частью той черни, толпы, которую Пушкин противопоставлял простодушию гения.

В чеховских записных книжках трижды повторяется суждение, которое он не успел передать какому-то из героев. «Какое наслаждение уважать людей! Когда я вижу книги, мне нет дела до того, как авторы любили, играли в карты, я вижу только их изумительные дела».

И здесь он оказался щедрее и великодушнее своих будущих критиков.

«Напишите-ка рассказ...» Такой рассказ — о сотворении человека — он тоже написал. Собственной жизнью.

СЮЖЕТ

Что писатели-дворяне брали у природы даром, то разночинцы покупают ценою молодости. Напишите-ка рассказ о том, как молодой человек, сын крепостного, бывший лавочник, певчий, гимназист и студент, воспитанный на чинопочитании, целовании поповских рук, поклонении чужим мыслям, благодаривший за каждый кусок хлеба, много раз сеченный, ходивший по урокам без калош, дравшийся, мучивший животных, любивший обедать у богатых родственников, лицемеривший и Богу и людям без всякой надобности, только из сознания своего ничтожества, — напишите, как этот молодой человек выдавливая из себя по каплям раба и как он, проснувшись в одно прекрасное утро, чувствует, что в его жилах течет уже не рабская кровь, а настоящая человеческая...

Чехов — А. С. Суворину, 7 января 1889 г. Москва

Вчера я кончил и переписал начисто рассказ, но для своего романа, который в настоящее время занимает меня. Ах, какой роман! ...

У меня есть сюжет для небольшого рассказа.

Чехов — А. М. Евреиновой. 10 марта 1889 г. Москва

— Что это вы пишете?

— Так, записываю... Сюжет мелькнул... (Пряча книжку.)
Сюжет для небольшого рассказа ...

«Чайка», 1896

ФОБИЯ

Поручения мои исполняй не морщась. Ты будешь вознагражден отлично: тебя упомянет в моей биографии будущий историк: «Был-де у него брат Алексей, который исполнял его поручения, чем немало способствовал развитию его таланта». Для моего биографа не обязательно знать, как тебя зовут, но по подписи «Ал. Чехов» ему будет нетрудно догадаться, что тебя зовут Алексеем.

Чехов — Ал. П. Чехову. 21 октября 1887 г. Москва

Милостивый государь!

Согласно Вашему желанию, переданному мне через книжный магазин «Нового времени», сообщаю Вам свои биографические данные.

Родился я в 1860 году, в городе Таганроге (на берегу Азовского моря). Дед мой был малоросс, крепостной; до освобождения крестьян он выкупил на волю всю свою семью, в том числе и моего отца. Отец занимался торговлей.

Образование я получил в Таганрогской гимназии, потом в Московском университете по медицинскому факультету, откуда был выпущен со степенью врача. Литературою стал я заниматься в 1879 году. Работал я в очень многих повременных изданиях, печатая по преимуществу небольшие рассказы, которые с течением времени и послужили материалом для сборников: «Пестрые рассказы», «В сумерках», «Рассказы», «Хмурые люди». Писал я и пьесы, которые ставил на казенных и частных сценах.

В 1888 г. императорская Академия наук присудила мне Пушкинскую премию.

В 1890 г. я совершил путешествие через Сибирь на остров Сахалин для знакомства с каторжными работами и ссыльной колонией. Когда выйдет в свет моя книга о Сахалине, я пришлю ее Вам, а Вы мне за это пришлите Ваш перевод моих рассказов.

Зовут меня Антоном Павловичем (Anton Pavlovitsch).

Чехов — Августину Врзалу. 14 августа 1891 г. Богимово

Вам нужна моя биография? Вот она. Родился я в Таганроге в 1860 г. В 1879 г. кончил курс в Таганрогской гимназии. В 1884 г. кончил курс в Московском университете по медицинскому факультету. В 1888 г. получил Пушкинскую премию. В 1890 г. совершил путешествие на Сахалин через Сибирь и обратно морем. В 1891 г. совершил турне по

Европе, где пил прекрасное вино и ел устриц. В 1892 г. гулял на именинах с В. А. Тихоновым. Писать начал в 1879 г. в «Стрекозе». Сборники мои суть: «Пестрые рассказы», «В сумерках», «Рассказы», «Хмурые люди» и повесть «Дуэль». Грешил и по драматической части, хотя и умеренно.

Переведен на все языки, за исключением иностранных. Впрочем, давно уже переведен немцами. Чехи и сербы также одобряют. И французы не чужды взаимности. Тайны любви постиг я, будучи 13 лет. С товарищами, как врачами, так равно и литераторами, пребываю в отличнейших отношениях. Холост. Желал бы получать пенсию. Медициной занимаюсь и даже настолько, что, случается, летом произвожу судебно-медицинские вскрытия, коих не совершал уже года 2 — 3. Из писателей предпочитаю Толстого, а из врачей — Захарьина.

Однако все это вздор. Пишите, что угодно. Если нет фактов, то замените их лирикою.

Чехов — В. А. Тихонову. 22 февраля 1892 г. Москва

Мое curriculum vitae жизнеописание, так сказать, Вам известно в главных чертах. Медицина — моя законная жена, литература незаконная. Обе, конечно, мешают друг другу, но не настолько, чтобы исключать друг друга. Кончил я в университете (Моск.) в 1884 г. В 1888 г. получил Пушкинскую премию. В 1890 г. ездил на Сахалин, о котором хочу выпустить целую книгу. Вот и весь мой послужной список. Впрочем, еще одно: в 1891 г. путешествовал по Европе. Холост. Не богат и живу исключительно заработком. Чем старше становлюсь, тем меньше и ленивее работаю. Старость уже чувствую. Здоровье неважное. Что же касается пантеизма, о котором Вы написали мне несколько хороших слов, то на это я Вам вот что скажу: выше лба глаза не растут, каждый пишет, как умеет. Рад бы в рай, да сил нет. Если бы качество литературной работы вполне зависело лишь от доброй воли автора, то, верьте, мы считали бы хороших писателей десятками и сотнями. Дело не в пантеизме, а в размерах дарования.

Чехов — И. И. Островскому. 11 февраля 1893 г. Мелихово

Вы желали получить от меня автобиографию, а для меня это нож острый. Не могу я писать о себе самом.

Чехов — М. О. Меньшикову. 5 января 1894 г. Мелихово

В пушкинских праздниках я не участвовал. Во-первых, нет фрака, и во-вторых, я очень боюсь речей. Как только кто за

юбилейным обедом начинает говорить речь, я становлюсь несчастным, и меня тянет под стол. В этих речах, особенно московских, много сознательной лжи, к тому же они некрасиво говорятся.

Чехов — М. О. Меньшикову. 4 июня 1899 г. Мелихово

Автобиография? У меня болезнь: автобиографофобия. Читать про себя какие-либо подробности, а тем паче писать для печати — для меня это истинное мучение. На отдельном листочке посылаю несколько дат, весьма голых, а больше не могу. Если хотите, то прибавьте, что, подавая ректору прошение при поступлении в университет, я написал: «по медицинскому факультету».

Чехов — Г. И. Россолимо. 11 октября 1899 г. Ялта

Я, А. П. Чехов, родился 17 января 1860 г., в Таганроге. Учился сначала в греческой школе при церкви царя Константина, потом в Таганрогской гимназии. В 1879 г. поступил в Московский университет на медицинский факультет. Вообще о факультетах имел тогда слабое понятие и выбрал медицинский факультет — не помню по каким соображениям, но в выборе потом не раскаялся. Уже на первом курсе стал печататься в еженедельных журналах и газетах, и эти занятия литературой уже в начале восьмидесятых годов приняли постоянный, профессиональный характер. В 1888 г. получил Пушкинскую премию. В 1890 г. ездил на о. Сахалин, чтобы потом написать книгу о нашей ссыльной колонии и каторге. Не считая судебных отчетов, рецензий, фельетонов, заметок, всего, что писалось изо дня в день для газет и что теперь было бы трудно отыскать и собрать, мною за 20 лет литературной деятельности было написано и напечатано более 300 печатных листов повестей и рассказов. Писал я и театральные пьесы.

Не сомневаюсь, занятия медицинскими науками имели серьезное влияние на мою литературную деятельность; они значительно раздвинули область моих наблюдений, обогатили меня знаниями, истинную цену которых для меня как для писателя может понять только тот, кто сам врач; они имели также и направляющее влияние, и, вероятно, благодаря близости к медицине, мне удалось избежать многих ошибок. Знакомство с естественными науками, с научным методом всегда держало меня настороже, и я старался, где было возможно, соображаться с научными данными, а где

невозможно — предпочитал не писать вовсе. Замечу кстати, что условия художественного творчества не всегда допускают полное согласие с научными данными; нельзя изобразить на сцене смерть от яда так, как она происходит на самом деле. Но согласие с научными данными должно чувствоваться и в этой условности, т. е. нужно, чтобы для читателя или зрителя было ясно, что это только условность и что он имеет дело со сведущим писателем.

К беллетристам, относящимся к науке отрицательно, я не принадлежу; и к тем, которые до всего доходят своим умом, — не хотел бы принадлежать.

Что касается практической медицины, то еще студентом я работал в Воскресенской земской больнице (близ Нового Иерусалима), у известного земского врача П. А. Архангельского, потом недолго был врачом в Звенигородской больнице. В холерные годы (92, 93) заведовал Мелиховским участком Серпуховского уезда.

Автобиография, посланная Г. И. Россолимо. 1899

Внешняя простота, бесфабульность чеховской жизни сразу бросается в глаза на фоне его предшественников и — особенно — ближайших потомков. Эта жизнь легче описывается множеством «не».

За свои сорок четыре года Чехов:

- не скрывал тайны происхождения;
- не ожидал наследства и не боролся за него;
- не страдал от неразделенной любви (по крайней мере, всю жизнь);
- не волочился за женщинами (по крайней мере, молчал об этом) и, с другой стороны, не превращал своих спутниц в мистических Прекрасных Дам;
- не проигрывался в карты;
- не стрелялся на дуэлях;
- не служил и не воевал;
- не стоял на эшафоте, не был на каторге и в ссылке (даже мягкой, домашней);
- не боролся с властями и цензурой;
- не говорил истину царям с улыбкой (а также без оной);
- не печатал произведений за границей и в подполье;
- не издавал журналов;
- не конфликтовал смертельно с братьями-писателями;
- не сжигал демонстративно свои главные книги (а просто недемонстративно уничтожал рукописи);
- не бежал из дома ночью;

— не кончал жизнь самоубийством.

«Какую биографию делают Рыжему!» — говорила А. А. Ахматова про последнего русского нобелевского лауреата. История — к счастью — не позаботилась об оформлении чеховской биографии. Но ему, как и каждому человеку, не удалось избежать драмы судьбы.

ПОРТРЕТ

У Чехова каждый год менялось лицо:

В 79 г. по окончании гимназии: волосы на прямой ряд, длинная верхняя губа с сосочком.

В 84 г.: мордастый, независимый; снят с братом Николаем, настоящим монголом.

В ту же приблизительно пору портрет, писанный братом: губастый, башкирский мальй.

В 90 г.: красивость, смелость умного живого взгляда, но усы в стрелку.

В 92 г.: типичный земский доктор.

В 97 г.: в каскетке, в пенсне. Смотрит холодно в упор.

А потом: какое стало тонкое лицо!

И. А. Бунин. Чехов

Мальчиком Чехов был, по словам его школьного товарища Сергеенко, «вялым увальнем с лунообразным лицом». Я, судя по портретам и по рассказам родных Чехова, представляю его себе иначе. Слово «увальень» совсем не подходит к хорошо сложенному, выше среднего роста мальчику. И лицо у него было не «лунообразное», а просто — большое, очень умное и очень спокойное. Вот это-то спокойствие и дало, вероятно, повод считать мальчика Чехова «увальнем», — спокойствие, а отнюдь не вялость, которой у Чехова никогда не было — даже в последние годы. Но и спокойствие это было, мне кажется, особенное — спокойствие мальчика, в котором зрели большие силы, редкая наблюдательность и редкий юмор. Да и как, в противном случае, согласовать слова Сергеенко с рассказами матери и братьев Чехова о том, что в детстве «Антоша» был неистощим на выдумки, которые заставляли хохотать до слез даже сурового в ту пору Павла Егоровича!

И. А. Бунин. Чехов

Передо мной стоял высокий стройный юноша, одетый очень невзыскательно, по-провинциальному, с лицом открытым и приятным, с густой копной темных волос, зачесанных назад. Глаза его весело улыбались, левой рукой он слегка пощипывал свою молодую бородку.

И. Л. Леонтьев-Щеглов. Из воспоминаний об Антоне Чехове

В те времена, т. е. в 1889 — 1890 гг., Антон Павлович Чехов был высокий, стройный и весьма красивый молодой

человек, широкие плечи которого не говорили даже о тени болезненности. Лицо у него было живое, открытое, с прекрасными светло-кариими глазами, «как копейки», очень умными, иногда задумчивыми, но чаще блестящими огнем веселого и добродушного юмора. Волосы на его голове, волнистые, темные и обильные, формой пряди напоминали волосы Антона Рубинштейна. Небольшая бородка и пробивающиеся усы каштанового цвета несколько упрощали это оригинальное, останавливающее на себе ваше внимание лицо.

Н. М. Ежов. Алексей Сергеевич Суворин

Передо мною был молодой и еще более моложавый на вид человек, несколько выше среднего роста, с продолговатым, правильным и чистым лицом, не утратившим еще характерных юношеских очертаний. В этом лице было что-то своеобразное, что я не мог определить сразу и что впоследствии, по-моему очень метко, определила моя жена, тоже познакомившаяся с Чеховым. По ее мнению, в лице Чехова, несмотря на его несомненную интеллигентность, была какая-то складка, напоминавшая простодушного деревенского парня. И это было особенно привлекательно. Даже глаза Чехова, голубые, лучистые и глубокие, светились одновременно мыслью и какой-то, почти детской, непосредственностью.

В. Г. Короленко. Антон Павлович Чехов

Я познакомился с Чеховым, как уже поминал выше, в самом начале 87-го года. Один из русских писателей, рассказывая о первой встрече с Чеховым приблизительно в то же время, писал, что в лице Чехова он нашел много сходства с лицом простого деревенского парня, и это же подтвердил кто-то из его семьи. О таких субъективных впечатлениях не спорят. Мне же Чехов показался всего более похожим на интеллигентного, бесконечно симпатичного студента, каким, в сущности, он и был года за два, за три до нашей встречи. От этого времени сохранился замечательный портрет Чехова, дающий о нем превосходное представление. Мне он подарен Чеховым в апреле 1889 года (под надписью на портрете есть дата), но снят в Петербурге у Пазетти, кажется, годом раньше; лицо в три четверти; на Чехове пиджак, крахмальная сорочка и белый галстук.

А. С. Лазарев-Грузинский. А. П. Чехов

Чехов был одним из самых душевных людей, которых я знал когда-либо. Я не скажу ничего нового, отметив, что в Чехове были видны большой ум и большая духовная сила, но, кроме того, в его внешности, в манере держать себя сквозило какое-то врожденное благородство, точно он был странным и чуждым пришельцем в доме родителей, быть может и милых (мать Чехова), но совсем уже не затейливых людей. И мне казалось, что от Чехова не может укрыться ни малейшая фальшь и ему невозможно солгать; позже то же писал о Льве Толстом один из знакомых Толстого. Очень талантливым членом семьи Чеховых был рано умерший художник — Николай, но это был простой, очень несложный «рубаха-парень». Антон Чехов стоял от него на недосягаемой высоте, и появление Антона в семье Чеховых было для меня загадкой, которой я не мог разрешить за всю жизнь.

В восьмидесятых годах, когда я познакомился с Чеховым, он казался мне очень красивым, но мне хотелось услышать женское мнение о наружности Чехова, и я спросил одну женщину исключительной красоты, когда-то встречавшуюся с Чеховым, что представлял собой Чехов на женский взгляд?

Она ответила:

— Он был очень красив.

А. С. Лазарев-Грузинский. А. П. Чехов

Его можно было назвать скорее красивым. Хороший рост, приятно вьющиеся, заброшенные назад каштановые волосы, небольшая бородка и усы. Держался он скромно, но без излишней застенчивости; жест сдержанный. Низкий бас с густым металлом; дикция настоящая русская, с оттенком чисто великорусского наречия; интонации гибкие, даже переливающиеся в какой-то легкий распев, однако без малейшей сентиментальности и, уж конечно, без тени искусственности.

Через час можно было определить еще две отметных черты.

Внутреннее равновесие, спокойствие независимости, — в помине не было этой улыбки, которая не сходит с лица двух собеседников, встретившихся на какой-то обоюдно приятной теме. Знаете эту напряженную любезную улыбку, выражающую: «Ах, как мне приятно с вами беседовать» или «У нас с вами, конечно, одни и те же вкусы».

Его же улыбка — это второе — была совсем особенная. Она сразу, быстро появлялась и так же быстро исчезала. Широкая, открытая, всем лицом, искренняя, но всегда

накоротке. Точно человек спохватывался, что, пожалуй, по этому поводу дольше улыбаться и не следует.

Вл. И. Немирович-Данченко. Чехов

Он был красавец. У него было большое открытое лицо с добрыми смеющимися глазами. Беседуя с кем-либо, он иногда пристально вглядывался в говорящего, но тотчас же вслед опускал голову и улыбался какой-то особенной, кроткой улыбкой. Вся его фигура, открытое лицо, широкая грудь внушали особенное к нему доверие, — от него как бы исходили флюиды сердечности и защиты... Несмотря на его молодость, даже юность, в нем уже тогда чувствовался какой-то добрый дед, к которому хотелось прийти и спросить о правде, спросить о горе, и поверить ему что-то самое важное, что есть у каждого глубоко на дне души. Антон Павлович был прост и естественен, он ничего из себя не делал, в нем не было ни тени рисовки или любования самим собою. Прирожденная скромность, особая мера, даже застенчивость — всегда были в Антоне Павловиче.

К. А. Коровин. Из моих встреч с А. П. Чеховым

Хороши у него бывали глаза, когда он смеялся, — какие-то женски ласковые и нежно мягкие. И смех его, почти беззвучный, был как-то особенно хорош. Смеясь, он именно наслаждался смехом, ликовал; я не знаю, кто бы мог еще смеяться так — скажу — «духовно».

М. Горький. А. П. Чехов

Однажды, собравшись к автору только что выпущенной книги «В сумерках», я подошел к его квартире. Чехов тогда жил на Кудринской Садовой, в доме доктора Корнеева, и окна его кабинета выходили в палисадник и на двор. Я заглянул в окошко — и остановился.

Чехов сидел один, за письменным столом, и что-то быстро-быстро писал. Перо так и бегало по бумаге. Должно быть, он сочинял что-нибудь новое...

Я долго глядел на него. Красивые волосы волнами падали ему на лоб; он положил перо, задумался, и вдруг... улыбнулся. Это улыбка была особая, без обычной доли иронии, не юмористическая, а нежная и мягкая. И я понял, что это была улыбка счастья, писательского счастья, — беллетрист, творя, набрел на удачный тип, образ, фразу, и это доставило ему те радостные переживания, которые только пишущим понятны...

Положительный, трезвый, здоровый, он мне напоминал тургеневского Базарова. ... Тонкий, неумолимый, чисто русский анализ преобладал в его глазах над всем выражением лица. Враг сантиментов и выпренных увлечений, он, казалось, держал себя в мундштуке холодной иронии и с удовольствием чувствовал на себе кольчугу мужества.

Мне он казался несокрушимым силачом по складу тела и души.

И. Е. Репин. О встречах с А. П. Чеховым

В амбулатории, в ожидании прихода больных, уже сидел Антон Павлович, только что приехавший из Мелихова. Это был молодой человек выше среднего роста, стройный, с продолговатым, правильным и чистым лицом, обрамленным темно-русой бородой. Его глаза светились умом и приветливостью. Общее впечатление от его наружности было в высшей степени приятное, располагающее к нему.

М. Е. Плов. Большое сердце

Приехав в конце апреля в Мелихово, я прямо ужаснулся перемене, которая произошла в Чехове со времени нашего недавнего свидания в остроумовской клинике. Лицо было желтое, изможденное, он часто кашлял и зябко кутался в плед, несмотря на то, что вечер был на редкость теплый... Помню, в ожидании ужина, мы сидели на скамеечке возле его дома, в уютном уголке, украшенном клумбами чудесных тюльпанов; рядом, у ног Чехова, лежал, свернувшись, его мелиховский любимчик, собачка Бром, маленькая, коричневая, презабавная, похожая на шоколадную сосульку... Чеховски деликатно, меткими полунамеками, А. П. повествовал мне о своих житейских невзгодах и сетовал на вызванное ими крайнее переутомление.

— Знаете, Жан, что мне сейчас надо? — заключил он, и в его голосе звучала страдальческая нота. — Год отдохнуть! Ни больше, ни меньше. Но отдохнуть в полном смысле. Пожить в полное удовольствие; когда вздумается, — погулять, когда вздумается, — почитать, путешествовать, бить баклуши, ухаживать... Понимаете, один только год передышки, а затем я снова примусь работать, как каторжный!

Я исподлобья взглянул на Чехова и подумал: «Боже мой! что сделала “литература” с человеком в какие-нибудь десять лет! Тогда, при первой встрече в гостинице “Москва”, это был цветущий юноша, а теперь... чуть только не старик».

Осень в тот год 1898 выдалась исключительная даже для Крыма. Чехов был в прекрасном настроении. Он тогда еще имел довольно бодрый вид и выглядел, пожалуй, не старше своих тридцати восьми лет, был худ и, несмотря на то, что ходил несколько сгорбившись, в общем представлял стройную фигуру. Только намечавшиеся уже складки у глаз и углов рта, порой утомленные глаза, а главное, на наш врачебный глаз, заметная одышка, особенно при подъемах, обусловленная этой одышкой степенная, медленная походка и предательский кашель говорили о наличии недуга. Тщательно избегал говорить о последнем только сам больной. Было два верных способа сделать неприятность Чехову и заставить его съежиться: это — коснуться поподробнее его здоровья или его текущих литературных работ.

И. Н. Альтишуллер. О Чехове

В Москве я видел человека средних лет, высокого, стройного, легкого в движениях; встретил он меня приветливо, но так просто, что я принял эту простоту за холодность. В Ялте я нашел его сильно изменившимся: он похудел, потемнел в лице, двигался медленнее, голос его звучал глуше. Но, в общем, он был почти тот же, что в Москве: приветлив, но сдержан, говорил довольно оживленно, но еще более просто и кратко и во время разговора все думал о чем-то своем, предоставляя собеседнику самому улавливать переходы в скрытом течении своих мыслей, и все глядел на море сквозь стекла пенсне, слегка приподняв лицо.

И. А. Бунин. Чехов

Показался он мне тогда почти высокого роста, худощавым, но широким в костях, несколько суровым на вид. Следов болезни в нем тогда не было заметно, если не считать его походки — слабой и точно на немного согнутых коленях. Если бы меня спросили тогда, на кого он похож с первого взгляда, я бы сказал: «на земского врача или на учителя провинциальной гимназии». Но было в нем также что-то простоватое и скромное, что-то чрезвычайно русское, народное — в лице, в говоре и в оборотах речи, была также какая-то кажущаяся московская студенческая небрежность в манерах. Именно такое первое впечатление выносили многие, и я в том числе. Но спустя несколько часов я увидел совсем другого Чехова — именно того Чехова, лицо которого

никогда не могла уловить фотография и которое, к сожалению, не понял и не прочувствовал ни один из писавших с него художников. Я увидел самое прекрасное и тонкое, самое одухотворенное человеческое лицо, какое только мне приходилось встречать в моей жизни.

Многие впоследствии говорили, что у Чехова были голубые глаза. Это ошибка, но ошибка до странного общая всем, знавшим его. Глаза у него были темные, почти карие, причем раек правого глаза был окрашен значительно сильнее, что придавало взгляду А. П., при некоторых поворотах головы, выражение рассеянности. Верхние веки несколько нависали над глазами, что так часто наблюдается у художников, охотников, моряков — словом, у людей с сосредоточенным зрением. Благодаря пенсне и манере глядеть сквозь низ его стекол, несколько приподняв кверху голову, лицо А. П. часто казалось суровым. Но надо было видеть Чехова в иные минуты (увы, столь редкие в последние годы), когда им овладевало веселье и когда он, быстрым движением руки сбрасывая пенсне и покачиваясь взад и вперед на кресле, разражался милым, искренним и глубоким смехом. Тогда глаза его становились полукруглыми и лучистыми, с добрыми морщинками у наружных углов, и весь он тогда напоминал тот юношеский известный портрет, где он изображен почти безбородым, с улыбающимся, близоруким и наивным взглядом несколько исподлобья. И вот — удивительно, — каждый раз, когда я гляжу на этот снимок, я не могу отделаться от мысли, что у Чехова глаза были действительно голубые.

Обращал внимание в наружности А. П. его лоб — широкий, белый и чистый, прекрасной формы; лишь в самое последнее время на нем легли между бровями, у переносья, две вертикальные задумчивые складки. Уши у Чехова были большие, некрасивой формы, но другие такие умные, интеллигентные уши я видел еще лишь у одного человека — у Толстого.

А. И. Куприн. Памяти Чехова

И вот, весной 1902 г., проездом через Москву на юг России, я решил остановиться между двумя поездами, узнав, что Чехов в Москве, и поехал к нему на авось, без предупреждения.

На вопрос: «Дома ли Антон Павлович?» я услышал, вероятно, общее распоряжение для всякого нового лица: «Дома нет». Я подал карточку и просил доложить Ольге

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru